

УДК 81.161.1'373.45:321.01

КОНЦЕПТ «ВЛАСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЯХ

Астафурова Т.Н., Олянич А.В.

Актуальность. Разделение социального мира неразрывно связано с разнообразными формами борьбы за власть¹, поддержанием, переустройством и навязыванием социального мира и его будущего (объективированных в политических ресурсах, правовых нормах, армии, полиции, государственных финансах и т. п.), которые, с одной стороны, способны завоевать приверженность как можно большего числа граждан, а с другой – «захватить» властные должности², обеспечивающие контроль и превосходство тем, кому они предоставлены. Таким образом, «производство идей о социальном мире в действительности всегда оказывается подчиненным логике завоевания власти, которая является властью мобилизации наибольшей численности» [1, с. 178].

Постановка проблемы. Дискурсивное пространство властных номинаций стремится организовать вокруг оппозиции между двумя полюсами – доминирования (вплоть до авторитаризма) и подчинения – как полярными инвариантами, суть которых вербализуется и отражается лишь в связях и через отношения между элементами соответствующей лексико-семантической группы. Именно ЛСГ в своей совокупности определяет систему различных уровней представления властных институций³, агентов, их действий или состояний.

Потребность во власти как одна из древнейших и комплексных потребностей включает в себя: потребность в материальных благах; потребность в создании необходимого для этого соответствующего порядка в обществе – объекте приложения власти и поставляющем материальные блага; потребность в управлении обществом. Являясь доминантной, она вызывает цепочку других потребностей: в частности, убеждение социума в необходимости общественного порядка требует создания традиции, т.е. рекурсивности определенных регламентированных событий (ритуала); ритуализация общественного бытия влечет за собой формирование определенных историко-культурных ценностей. Вся эта цепочка потребностей неминуемо вызывает потребность в инструментарии реализации ранее возникших потребностей, из которых главенствующей оказывается потребность в информационном воздействии на общество. Такая иерархия потребностей вызывает к жизни иерархию коррелирующих дискурсов.

Взаимосвязь потребностей и типов дискурсов достаточно условна, тем не менее, она жестко связана с эксплуатируемыми для ее реализации вербальными средствами. Метафорика

¹ *Власть* понимается как способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства – авторитета, права, насилия [2, с. 68].

² *Должность* – не просто название позиции или роли человека в организации, это представление их существенных качеств. Должность обязывает исполнять долг [3, с. 50].

³ *Институция*, представляющая собой социальную форму функций участников институциональной интеракции в обществе. Институции, присваивая своим агентам постоянные роли, как особым действующим лицам с закрепленными типическими "надындивидуальными" качествами, обуславливают их общественную ценность для исторически конкретных условий жизни. Агенты институций (*Ното Асционис*) определяются, отождествляются и различаются через их статус, сферу и время принятия ими решений, которые поддерживаются социальными формами закрепления этих институциональных функций. При таком понимании институции объединяются функция индивида и социум [4].

такой жесткой взаимосвязи проявляется в вербалиях типа «*проявить (показать) власть*», «*показать, кто в доме хозяин*», «*принять меры*», «*привести в порядок*», «*справедливый государственный строй*», «*общественные устои*», «*народные ценности*», «*верность традициям отцов*» и тому подобных словосочетаниях, наделенных воздействующей функцией власти и означающих направления этого воздействия. Воздействие, в котором используется дискурс разных типов и подтипов, столь же системно, сколь системны потребности, формирующие доминантную – властную – потребность на всех уровнях институционализации социума.

Инструментом этого воздействия выступает дискурс аргументации (риторика убеждения), в свою очередь тесно связанный с «вбросом» информации в массы (социум) о субъекте, иницилирующем властные намерения. Иными словами, разворачивается массово-информационный дискурс.

Обретающая себя власть создает выгодный ей социальный порядок и формирует выгодную ей социальную среду функционирования (группы и классы людей, одобряющие действия власти). Очередная порция потребностей связана с поддержанием этого порядка и жизнеспособности созданной социальной среды. Здесь эксплуатируются политические вербальные формулы удержания власти и ее упрочнения (политический дискурс), создаются традиции и ритуалы приложения власти, осуществляется их вербализация в ритуальном дискурсе. Разумеется, в намерение власти входит поддержание себя как можно дольше (если не сказать – вечно!), аргументация такого намерения также имеет свою поддержку в дискурсе юридическом или правовом. Апофеозом или высшей потребностью власти на пути ее удержания являются, конечно же: а) потребность в собственном обожевлении (идолизации), что отражается в дискурсе религиозном, если религия не отстоит от власти, а максимально к ней приближена в идеологическом отношении; б) потребность в мифологизации и эстетизации власти как некоего ценностного основания миро- и социопорядка [5].

Разноуровневая парадигма «властных» номинаций в англосаксонской институциональной концептосфере отражает первостепенную значимость концептов «власть», «главенство», «авторитарность», представленных на верхних ярусах этой парадигмы. В качестве примера одного из таких полей может служить функциональное поле институции *headship = the position of leader or chief* (COD) – (главенство), образованное номинантами *kingship* (монархическое институции – нет эквивалента), *emperorship* (императорство), *leadership* (лидерство), *aldermanship* (старшинство – как институции старшего советника муниципалитета), *chieftainship* (институция вождя племени – нет эквивалента), *premiership* (премьерство), *chairmanship* (председательство), *principalship* (руководство), *directorship* (директорство), *sherriffship* (шерифство), *protectorship* (попекторство), *governorship* (губернаторство), *mayorship* (мэрство), *councillorship* – (институции члена муниципального совета), *deputyship* (депутатство), *generalship* (генеральство), *ambassadorship* (посольство), *clanship* (кланство), *sponsorship* (спонсорство), *laureateship* (лауреатство), *messiahship* (мессиянство), *legateship ~ delegacy of the legate, the representative of the Pope of Rome* (*легатство), *landownership* (владение землей), *lairdship ~ (in Scotland) owing a large estate, etc.* Нижние ярусы парадигмы представлены институциями, маркирующими подчиненный статус социальной функции: *membership* (членство), *citizenship* (гражданство), *comradeship* (товарищество), *fellowship* (братство), *companionship* (компаньонство), *stewardship* (камергерство), *monitorship* (дежурство в школе), *discipalship* (ученичество при изучении религиозной/философской концепции), *craftmanship* (ремесленничество), *apprenticeship* (ученичество при освоении ремесла), *indentureship ~ binding an apprentice to a master by an agreement; licentiatehip ~ holding a certificate of competence to practice a particular profession; sonship ~ holding hereditary rights; heirship ~ legitimate owing of property; mistress-ship ~ 1. position and rights of the head, host, 2. position of a teacher* и т.д.

Анализ англоязычных властных номинаций выявил широкий спектр культурнозначимых институциональных признаков, указывающих на существование определенной иерархии институций и их социально-аксиологической дифференциации. Сопоставительное изучение

КОНЦЕПТ «ВЛАСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЯХ

выделенных институциональных признаков в английском и русском языках позволило определить культурно-специфические особенности и различия в организации и когнитивном наполнении властных концептосфер двух лингвокультур, являющихся следствием их особого исторического становления, развития этноса и государственного механизма.

Так, в отличие от русской лингвокультуры, в которой разноуровневые и по-разному оцениваемые властные институции, демонстрируя многообразные связи индивида с социумом, маркируются синкретично, недифференцированно – суффиксом *-ство* (*государство, царство, крепостничество* и т.д.), в английской лингвокультуре, напротив, в соответствии с аксиологической и социальной иерархией, эти номинации представлены дифференцированно, при помощи разветвленной системы исконных и заимствованных суффиксов и моделей, манифестирующих разнообразные признаки власти.

В англосаксонских властных номинациях четко выделяются *пространственный, темпоральный, функциональный, процессуальный, результативный, статусно-ролевой, профессиональный, гендерный* и другие признаки, иерархия которых дает возможность структурировать англо-саксонское институциональное пространство.

В отличие от русского соборного синтетизма в институциональном пространстве, в англосаксонской лингвокультуре имеет место своеобразный номинативный аналитизм: чем выше социально-аксиологическая значимость институции, тем шире ее номинативный потенциал, тем более дифференцированно представлены разнообразные аспекты институции в языке и, соответственно, тем разнообразнее ее институционально-кваликативная палитра признаков.

Так, функции представителя короля в англосаксонском социуме были закреплены за шерифом, социальный статус которого был значительно выше статуса герцога, графа или барона, поскольку король делегировал шерифу королевскую власть/полномочия на определенный срок и в границах территории, объединяющей несколько графств. Этим обусловлено появление в английском языке однокорневых номинаций, маркирующих *пространственный (sheriffdom – территория, в пределах которой действуют полномочия шерифа), функциональный (sherriffship – полномочия шерифа), темпоральный (sheriffhood – время пребывания шерифа во власти)* признаки института шерифа как представителя королевской власти. Аналогичная модель дифференциации институциональных признаков церковной власти отмечена в номинациях *saintdom, saintship и sainthood (священство); masterdom, masterhood и mastership (мастерство); serfdom, serfhood и serf-ownership (крепостничество); heirdom (наследство), heirship (наследство в значении право наследования)*.

Пространственный признак властных институций относительно рестриктивен, маркируется суффиксом *-dom*, преимущественно обозначая территорию их действия: *kingdom (королевство), queendom (королевство), tsardom (царство), principedom (княжество), earldom (герцогство), dukedom (графство), serfdom (крепостничество), thanedom ~ holding land granted by king (графство, дарованное королем в обмен на воинскую службу)*.

Темпоральный признак властных институций маркируется суффиксом *-hood*, обозначая временной период их действия или состояния: *grandparenthood (прапопительство), knighthood (рыцарство), serfhood (крепостничество)* и т.д.

Наибольшее количество англосаксонских властных институций образовано по **функциональному** признаку, который маркируется суффиксом *-ship* и обозначает статус, должность или облечение определенными властными функциями, маркированными соответствующими номинациями: *chairmanship (председательство), serf-ownership⁴ (крепостничество), sherriffship (шерифство), saintship (священство), mayorship (мэрство), king/queenship (королевское / царское величество: ср., например, His Kingship ~ его королевское/царское величество), governorship (правительство в значении правление), heirship (право наследства), generalship (генеральство), judgeship / justiceship (судейство), sponsorship (спонсорство) etc.* Эта тенденция подтверждает общие принципы развития аналитических

⁴ Интересно отметить, что, в отличие от однокорневых номинаций *serfhood* и *serfdom*, функциональный признак властной институции закрепляется за *владельцем* крепостных (*serf-owner*)

языков как механизма инструментального мировосприятия, приводящего к формированию мозаичных функциональных полей с полярными признаками власти и подчинения.

Социально-аксиологические параметры власти в английской лингвокультуре отражают явное предпочтение исконных институциональных номинаций. Так, институции, получившие позитивную оценку в социуме, номинируются преимущественно дериватами, образованными антропонимами с древнеанглийскими суффиксами *-dom*, *-hood*, *-ship*:

-dom – *kingdom* / *queendom* (королевство), *sheriffdom* (шерифство), *earldom* (герцогство), *dukedom* (графство), *popedom* (папство) etc;

-hood – *nationhood* (государство с самостоятельным статусом), *priesthood* (священство), *knighthood* (рыцарство) etc;

-ship – *messiahship* (мессиянство), *parstorship* (насмотрство), *dictatorship* (диктаторство), *sensorship* (цензорство), *emperorship* (императорство) etc.

В отличие от относительно открытого списка признаков властных номинаций характер и формы власти представлены номинациями на *-cracy* (< Fr. *-cratia*, via Lat. from Gk. *-kratia* 'power', 'rule') и *-archy* ('rule or government' > Gk. *arkhein* 'to rule'), заимствованными из греческого языка и образующими закрытые лексико-семантические группы:

– *democracy* (Gk. *demos* 'the people'; referred to direct rule through assembly by the citizens of the ancient Greek city states), *aristocracy* (Gk. *aristos* – 'the best'; referred to rule by the best comprising people of noble birth with hereditary titles), *ochlocracy* (Gk. *okhlos* 'mob'; mob rule), *plutocracy* (*ploutos* 'wealth'; government by the wealthy), *theocracy* (Gk. *theos* 'god'; government by priests – as God's representatives), *hierocracy* (Gk. *hieros* 'sacred', 'holy'; government by a ruling body of priests as God's representatives), *autocracy* (Gk. *autos* 'self'; government by one person with absolute power), *gerontocracy* (Gk. *geront* 'old man'; government by old people); *bureaucracy* (a system of government by state officials), *mediocracy* (government by those selected on merit), *mobocracy* (Lat. *mobile*, abbrev. for *mobil evulgus* 'excitable crowd'; rule or domination by the masses);

– *anarchy* (Gk. *an-* 'without'; a state of disorder), *hierarchy* (Gk. *hieros* 'sacred', used to denote the system of orders of angels and other heavenly beings; a system ranked accordingly to status), *monarchy* (Gk. *monos* 'alone'; government by a king or queen), *oligarchy* (Gk. *oligoi* 'few'; holding power by a small group of people) *matriarchy* (Lat. *mater* 'mother'; a social organization in which the mother is head of the family) *patriarchy* (Gk. *Patria* 'family'; a social organization in which the father is head of the family) *squirearchy* (based on *squire* + *hierarchy*; landowners as the dominant class).

Выводы. Таким образом, функциональный аспект властных номинаций, наиболее представленный в англосаксонской лингвокультуре и маркированный самым частотным и продуктивным суффиксом *-ship*, напрямую связан с типом институциональной ментальности языковой личности: преимущественно соборным коллективистским русским и прагматическим индивидуалистским англосаксонским. Гендерный признак отражен в англосаксонских институциях системно и последовательно, включая институт власти (*queendom*, *queenhood*, *queenship*, etc.), что свидетельствует о более активном участии женщины в становлении властных социальных функций, закрепленных за общественными институтами англо-саксонского социума, по сравнению с русским.

Список литературы

1. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos. 1993.
2. Философский словарь. – М.: Аграф. 1986.
3. Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М.: Наука. 1996.
4. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в Российской экономической мысли (IX – XXI вв.): В 2 т. – Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2002 г.
5. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Волгоград: Парадигма. 2004.

Поступила в редакцию 08.02.2005 г.